

В. П. КОРЗУН

**Н. М. КАРАМЗИН И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ ИСТОРИКА
(«Круглый стол», посвященный 250-летию Н.М. Карамзина)¹**

Круглый стол состоялся в рамках Международной научной конференции «История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики». Представлена основная проблематика докладов, выделены дискуссионные вопросы.

Ключевые слова: *Н.М. Карамзин, государственно-национальный нарратив, профессионализация исторической науки, корпоративная память, научная культура*

Юбилей Н.М. Карамзина не просто дань академической традиции, хотя коммеморативные практики выступают в качестве важнейших факторов самоидентификации историков. Н.М. Карамзин спровоцировал вечный спор в отечественной историографии о соотношении академического и неакадемического профессионализма, который то актуализировался, то, как это было в пространстве советской историографии, надолго затухал, а в настоящее время вышел на первый план в связи с меняющейся ролью историка в процессе производства исторического знания и рефлексией о его значимости в формировании исторической памяти. В разные исторические периоды классик выступает как якорь, который то бросают, чтобы обрести уверенность и опору, то поднимают, чтобы оттолкнуться и без оглядки плыть в другом направлении, то возносят на пьедестал – классик/якорь становится памятником.

Новое прочтение Карамзина нашло отражение в постановке ряда вопросов, «не услышанных» в прежней парадигме социально обусловленного исторического знания, когда в фокусе внимания историографов находились политические взгляды Карамзина, а затронутые им профессиональные вопросы были отброшены. К ним можно отнести: рассмотрение опыта Карамзина в конструировании модели национального нарратива (С.И. Маловичко); трансформация национально-государственного нарратива в пространстве складывающейся в России XIX – нач. XX в. диссертационной культуры, (Н.Н. Алеврас и Н.В. Гришина) очерчивание проблематики соотношения памяти историка и памяти народа в тексте «Истории государства Российского» и отражение сюжетов профессионализации исторической науки в советских и постсоветских учебниках по историографии (В.П. Корзун). Остальные выступления перекликались с обозначенными проблемными доминантами.

---

¹ Материалы конференции опубликованы: История. Память. Идентичность... 2016. Анализ итогов конференции см.: Международная научная конференция... 2017.

В докладе «Формирование национально-государственного нарратива и контр-нарратива в исторической культуре России первой половины XIX в.» С.И. Маловичко сделал вывод, что национально-государственный нарратив Карамзина уже имел набор черт, присущих «европейскому канону», что заставляет скорректировать устоявшийся тезис о принадлежности историка в плане методологии к XVIII в. Этот вывод провоцирует в перспективе дискуссию о методологических взглядах Карамзина, его роли в формировании национального контр-нарратива, о коммуникативном поле историографии как одной из форм профессионализма. Автор отметил сложность коммуникативного взаимодействия в пределах одного историографического поля национально-государственного нарратива Карамзина и альтернативной модели, представленной скептической школой, которая сочетает новаторские интенции XIX века (ориентацию на строгую научность) и стремление ограничить новации собственным схолярным пространством – неприятие «утвердившейся в классической европейской историографии модели национально-государственного нарратива», с. 257). Признавая роль “скептиков” в создании научной модели интерпретации национального прошлого, автор отмечает ограниченность их воздействия на историческое сознание России: «помимо профессионализирующегося сообщества историков, они не достигали читателя». Последнее удавалось национально-государственному нарративу. Характеризуя его место в пространстве исторической памяти общества, Маловичко указывает, что это был «специальный интерпретационный способ проникновения в прошлое, позволяющий отбирать государствообразующие “события”, целенаправленно подавлять или актуализировать нужных “героев”, “национальных врагов”, ориентированный на широкий круг читателей и отвечающий потребностям социокультурной ситуации» (с. 258).

В ряде докладов были подняты вопросы исторической судьбы национально-государственного нарратива, функционирования созданного Карамзиным «национального образа России в большом стиле». В докладе Н.Н. Алеврас и Н.В. Гришиной речь шла о проявлении национальных интенций в таком специфическом сегменте историографического поля, как диссертации. Появление этого вида исследования и основывающегося на нем нового историографического явления – «диссертационной культуры», было представлено в контексте формирования отечественной исторической науки в XIX – начале XX в.. Авторы выделили основные характеристики этого явления: ориентация на постижение научной истины, принципы и способы научной аргументации, монографический тип исследования и т.д. Новый тип историописания – научно ориентированное знание – «аккумулировал творческую энергию противостояния» национально-государственному нарративу. В то же время в проблемно ориентированных диссертациях, с ограниченным хронологическим диапазоном, вовсе не исключалось «присутствия... явно или неявно выра-

женного интереса к историко-национальной специфике» (с. 13-14). Доказывая этот тезис, авторы, в частности, ссылаются на магистерскую диссертацию А.С. Лаппо-Данилевского, объяснявшего выбор XVII века как хронологической рамки исследования тем, что «это был период наиболее резкого развития специфических особенностей... национально-государственной истории». Этот тренд наличествует и в диссертациях С.Ф. Платонова, П.Н. Милокова, К.Н. Бестужева-Рюмина, А.Е. Преснякова. Авторы приходят к выводу, что проблема национальной идентичности приобретает к концу XIX в. новые очертания – она не сводится к истории государства, а понимается как «тесный сплав государственных институтов и социально-культурного субстрата» (с. 16).

Проблема национального нарратива представлена и в отдельных ее аспектах. В докладе М.И. Нисковской об И.П. Елагине известный деятель екатерининской эпохи рассматривается как своеобразный предшественник Карамзина, предпринявший попытку создать «улучшенное», нужное государству представление об истории, которому были присущи яркий художественный стиль и неременная воспитательная нагрузка. В том же проблемном поле О.А. Кашинская на примере трансформации образа Павла I в дореволюционных учебных текстах показала, как происходило конструирование государствообразующих событий прошлого России.

Одна из центральных проблем при характеристике научной и личной судьбы историка – бытование его образа и оценка его творчества в разных научных и культурных средах. Тема эта была затронута в нескольких докладах. В докладе В.П. Корзун речь шла о формировании корпоративной памяти в процессе профессиональной подготовки историка в пространстве университетского курса историографии отечественной истории. Автор подчеркнула двуединую природу такого историографического источника как учебник – взаимосвязь в его рамках процессов создания историографического знания и его трансляции и регуляции («равняйтесь на образцы»). Эпифеноменом этих процессов является складывание корпоративной памяти научного сообщества. В докладе были обозначены зигзаги: от низвержения Карамзина как профессионала-историка (М.Н. Покровский), попыток выявления его места в процессе развития науки, определения значения его творчества и присущих ему внутренних противоречий, фиксации норм профессионализма, которые Карамзин задавал в формирующемся отечественном научном сообществе (Н.Л. Рубинштейн) – до закрепления определения его как основоположника официально-монархического направления в русской историографии («неправильный классик» – В.И. Астахов, В.Е. Иллерицкий и И.А. Кудрявцев) (с. 212). Как ни парадоксально, в последнем случае речь идет о периоде «историографического оживления» 1950-х – середины 1960-х гг. По мнению автора доклада, эта оценка в полной мере отражала сложившийся канон советского историзма. Смягченный, модернизированный вариант

советского историографического канона прочитывается в учебном пособии А.М. Сахарова, чьи исследовательские интенции направлены по преимуществу не на социально-классовую оценку творчества Карамзина, а на выявление его роли в развитии науки и формировании профессионального сообщества историков, соответствия его творчества историческому и культурно-научному контексту эпохи (с. 213). Возвращению Карамзина в культурное пространство современной России был посвящен доклад С.С. Минц, которая продолжила тему места Карамзина в процессе формирования исторической памяти, сделав акцент на запросы общества в переломные эпохи. Большой интерес вызвала рефлексия собственного опыта «преподнесения» Карамзина в студенческой аудитории.

Карамзинский блок был представлен и докладами, выполненными, казалось бы, в традиционном проблемном ракурсе: о проблеме «Россия и Запад» в трактовке Н.М. Карамзина (Н.Б. Селунская) и становлении его исторических взглядов (Р.Б. Казаков). Однако в первом случае речь шла о влиянии многообразных контекстов на прочтение и построение различных дискурсов западного влияния на российскую историю. А второму удалось вырваться за устоявшиеся границы интерпретации формирования исторических взглядов Карамзина – и хронологически, и концептуально. Обратившись к опытам литературных переводов юного автора, дневниковым записям его современников, Казаков сосредоточил внимание на накоплении «исторического багажа» будущего историка уже в период его первых литературных опытов, а также на стиле научного мышления, оформлении текста – речь идет об интеллектуальных процедурах, характерных для научного письма. Такой исследовательский ход находится в русле интеллектуальной истории и открывает перспективы изучения особенностей вызревания научной культуры и ее специфики в формирующихся дисциплинарных сегментах науки.

Следующий блок можно обозначить как источниковедческий, исполненный в культурной парадигме, что вполне вписывается в поиски критериев профессионализма и профессионализации науки. Особый интерес вызвал доклад А.С. Усачева «О возможных путях и перспективах изучения “массового сознания” в России XVI в. Термин «массовое сознание» применительно к актерам – читателям, писцам и заказчикам, круг которых невелик, вызвал некоторые возражения, но междисциплинарный подход, привлечение нового источника – выходных записей на книгах, сфокусированность на основной терминологии – титулах носителей светской и духовной власти, позволили представить некоторые закономерности развития исторической мысли, пульсирующей вне узкого круга столичной элиты. Вывод о том, что за пределами этого круга, на окраинах Русского государства, восприятие новых церковных и политических реалий происходило со значительной задержкой, что нашло отражение в историческом повествовании и терминологии, заслуживает

включения в учебные пособия по историографии. Эти процессы автор связывает с «присущей эпохе средневековья приверженности привычке и традиции» (с. 405). В докладе Л.Б. Сукиной «Мемориальные практики допетровской Руси как исследовательская проблема» сделан акцент на особой роли визуальных источников в формировании исторической памяти (архитектура, иконопись), что придавало мемориализации сакральный характер. Автор отмечает теснейшую связь мемориальных практик допетровской Руси с православной традицией и устойчивость сложившейся модели восприятия прошлого (с. 379). Это своего рода ориентир на выявление тех ценностей и символов, на основании которых формируется коллективная идентичность, места альтернативных представлений в историческом сознании общества. А.А. Лушников в докладе «Образы прошлого на страницах дидактической антиязыческой литературы Древней Руси» показал трансформацию историософских представлений авторов этих сочинений: «от понимания язычества как явления... попавшего к славянам извне, от модели кровавого пантеона по образцу религии Ханаана... до переосмысления язычества как части героического прошлого и даже снятия с него отрицательного контекста» (с. 251).

Как видим, затронутые Карамзиным проблемы занимают все большее место в рефлексивном анализе его творчества, что свидетельствует о о возрастающем стремлении включить Карамзина в процесс внутренней легитимации науки, хотя в то же время возникает подозрение в канонизации классика. Но степень адекватности и комплиментарности в восприятии Карамзина в долговременной перспективе не имеет, пожалуй, решающего значения. Согласимся с Ю.М. Лотманом в том, что судьба наследия Карамзина во второй половине XIX – XX вв. – стать частью базисного, «почвенного» основания русской культуры, «продолжать жить, перерождаться, обретать новые виды и формы»². По мере развития историографии и – в более широком смысле – отечественной культуры вообще, становится все более возможным не только постижение того, что Лотман именуется ракурсом «авторской преднамеренности (концептуальности)», но и сферы «авторской непреднамеренности», того содержательного пласта, который не обрел у Карамзина форму четких формулировок и концепций и не был вполне ясен его современникам и ближайшим потомкам. С моей точки зрения, к этой сфере безусловно относятся такие фундаментальные проблемы, интуитивно угаданные Карамзиным, и актуализированные в современной историографии, как соотношение исторической памяти народа и профессиональной памяти историка, а также критерии профессионализма науки и ее деятелей.

Несмотря на определенную эклектичность в формировании корпуса докладов, на круглом столе состоялся заинтересованный диалог, ино-

---

²Лотман 1987.

гда принимавший даже эмоционально-напряженный характер, как в случае определения политических идеалов Н.М. Карамзина. Круглый стол стал своеобразным зеркалом, отразившим образ современного историографа: он работает в русле интеллектуальной истории, пытаясь преломить множество контекстов в своей исследовательской практике, смело выходит за границы дисциплины, обращаясь к филологии, литературоведению, культурологии, расширяет источниковую базу, актуализирует новое прочтение классиков, он полон сомнений. Рефлексия о своей деятельности становится нормой профессии.

Но не слишком ли мы хороши в таком зеркале; а что – в зазеркалье?

БИБЛИОГРАФИЯ

История. Память. Идентичность: Теоретические основания и исследовательские практики. Материалы международной научной конференции. 3-4 октября 2016 г. М.: Аквилон, 2016. 474 с.

Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М.: 1987.

Международная научная конференция «История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики» / Л.П. Репина, О.В. Воробьева, Т.Н. Иванова, Е.К. Кириллова, Г.П. Мягков, О.С. Нагорная, М.С. Петрова, О.С. Поршнева, З.А. Чеканцева // Диалог со временем. 2017. Вып. 59. С. 382-395.

REFERENCES

Istoriya. Pamyat'. Identichnost'. Teoreticheskie osnovaniya i issledovatel'skie praktiki. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. 3-4 oktyabrya 2016 g. M.: Akvilon, 2016. 474 s.

Lotman Yu.M. Sotvorenie Karamzina. M.: 1987, 382 s.

Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Istoriya, pamyat', identichnost': teoreticheskie osnovaniya i issledovatel'skie praktiki» / L.P. Repina, O.V. Vorob'eva, T.N. Ivanova, E.K. Kirilova, G.P. Myagkov, O.S. Nagornaya, M.S. Petrova, O.S. Porshneva, Z.A. Chekantseva // Dialog so vremenem. 2017. Vyp. 59. S. 382-395.

Корзун Валентина Павловна, доктор исторических наук, профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского; korzunv@mail.ru

N.M. Karamzin and professional identity of historian (round table dedicated to the 250th anniversary of N.M. Karamzin)

This article considered the results of the round table devoted to the jubilee of N.M. Karamzin. The round table was held within the framework of the International Conference "History, Memory, Identity: Theoretical grounds and research practices" (Moscow, October 3-4, 2016). The main papers and discussion issues are highlighted.

Keywords: N.M. Karamzin, state-national narrative, professionalization of historical science, corporative memory

Valentina Korzun, Dr.Sc. (History), Professor of Omsk State University; korzunv@mail.ru